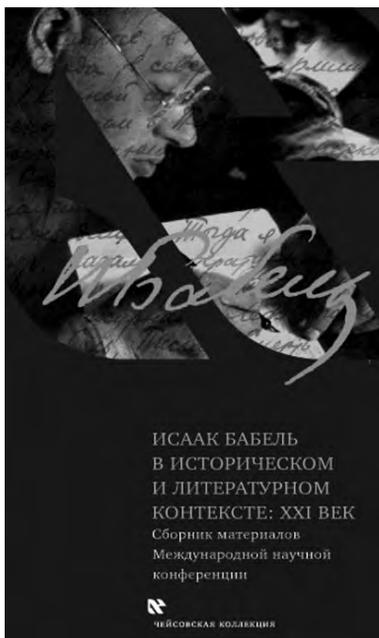


Елена Константинова

«Мы рождены для наслаждения трудом, дракой, любовью...»



В Москве, в Доме И.С. Остроухова в Трубниках 17 марта 2016 года состоялась презентация уникального совместного проекта Государственного литературного музея и издательства «Книжники» – сборника «Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век», составленного по итогам одноименной международной конференции к 120-летию со дня рождения писателя.

Наша беседа – с редактором издания, ведущим российским бабелеведом, сотрудником Государственного литературного музея **Еленой Погорельской**.

– С момента выхода бабелевского сборника прошло еще немного времени. Но о нем, кажется, уже до-

вольно хорошо известно. Во всяком случае, в «Фаланстере», который называют главным магазином интеллектуальной литературы в Москве, он разлетается, можно сказать, в одну минуту. Какие первые отклики?

– Да, времени прошло не так много – из типографии книга вышла 1 февраля. И действительно, она по современным меркам совсем неплохо раскупается, с учетом того, что это все же научный сборник. Ну а отклики пока немногочисленные – в основном это авторы и так или иначе причастные к сборнику люди, и несколько знакомых филологов. Если честно, то мнения самих авторов сборника мне особенно дороги. Отклики восторженные, не в последнюю очередь благодаря прекрасной внешности издания. Вероятно, будут рецензии и более обстоятельные отзывы.

– То есть ваши ожидания оправдались?

– Вполне.

– Чем, на ваш взгляд, интересно это издание?

– По сути, это первый за всю историю литературоведения сборник на русском языке, посвященный Исааку Бабелю. Скажем, доклады конференции к 100-летию со дня рождения писателя, проведенной на базе Российского государственного гуманитарного университета, печатались в специальных выпусках «Литературного обозрения», но в отдельное издание так и не были собраны. В 2004 году конференция, посвященная Бабелю, состоялась в Стэнфордском университете (США), в 2009-м по ее материалам под редакцией профессора Стэнфордского университета Григория Фрейдина вышла книга – естественно, на английском языке – с символическим заглавием «The Enigma of Isaak Babel: Biography, History, Context» («Загадка Исаака Бабеля: биография, история, контекст»).

Стоит принять во внимание не только широту обсуждаемых тем, но и географический охват нынешнего сборника. Его авторы – литературоведы, многие с мировым именем, из России, США, Израиля, Франции, Германии, Венгрии, Украины, Грузии, причем это не только специалисты по творчеству Бабеля, но и те, кто занимается русской и зарубежной литературой XX века. Представлены разные литературоведческие школы, разные методики...

– Уже в названии сборника заявлено стремление раскрыть творческое наследие писателя во всем многообразии. Кроме того, очевиден посыл на будущее...

– Это название в полной мере отражает задачи современного этапа бабелеведения. Во-первых, творчество Бабеля не только возможно, но и необходимо рассматривать в самом широком контексте мировой истории и культуры. Во-вторых, в нынешнем столетии исследования о нем выходят на качественно иной уровень, что в первую очередь связано с отменой идеологических и цензурных ограничений. Кроме того, стали доступны многие архивные документы, прямо или косвенно касающиеся Бабеля, которые позволяют по-новому взглянуть на его творческую биографию, да и просто на биографию. Во время конференции состоялась встреча с начальником Управления регистрации и архивных фондов ФСБ России Василием Христофоровым, который официально заявил, что после многочисленных проверок установлено: И.Э. Бабель ни в одном из списков сотрудников ЧК, ГПУ, НКВД не значится.

– А что на сегодня известно – позвольте ненамного отойти в сторону от главной темы разговора – об архиве Бабеля, изъятом у него при обыске и аресте 15 мая 1939 года в Переделкине?

– До сих пор ничего не известно. В том числе о тех папках, в которых были его рукописи.

Находясь во внутренней тюрьме НКВД на Лубянке, 11 сентября 1939 года Бабель написал заявление наркому внутренних дел Л.П. Берии с просьбой разрешить привести в порядок отобранные при аресте рукописи: «Они содержат черновики очерков о коллективизации и колхозах Украины, материалы для книги о Горьком, черновики нескольких десятков рассказов, наполовину готовой пьесы, готового варианта сценария. Рукописи эти – результат восьмилетнего труда, часть из них я рассчитывал в этом году подготовить к печати. Я прошу Вас также разрешить мне набросать хотя бы план книги в беллетристической форме о пути моем...».

Привести в порядок рукописи Бабеля не дали. Были ли они в то время на Лубянке, тоже неизвестно. Однако никаких актов



об уничтожении архива Бабеля нет, поэтому есть надежда на его обретение.

Перед арестом он работал над подготовкой сборника «Новые рассказы», ведь его последний прижизненный сборник, в который целиком вошел конармейский цикл, издан в 1936 году.

– Из каких разделов – если в общих чертах – состоит ваш сборник, который, что не исключено при тираже пятьсот экземпляров, скоро станет библиографической редкостью?

– Первый раздел посвящен «Конармии». Бабель находился в рядах Первой Конной армии во время советско-польской войны 1920 года в качестве военного корреспондента газеты «Красный кавалерист». Сначала был прикомандирован к штабу армии, а в 20-х числах июня перевелся в 6-ю кавалерийскую дивизию. Первые рассказы конармейского цикла публиковались в одесских «Известиях». С появлением этих рассказов в московской печати, еще до выхода отдельного первого издания книги в мае 1926 года, Бабель становится одним из наиболее популярных советских писателей.

В этом разделе обсуждаются вопросы текстологии и комментариев, анализируются композиция цикла и характеры персонажей, освещается полемика вокруг конармейских рассказов.

– Второй раздел сборника, «Поэтика, интерпретации, ин-тертекст», и самый объемный, и самый загадочный...

– Все это вполне объяснимо. Статьи этого раздела свидетельствуют о насыщенности текстов Бабеля многими скрытыми смыслами, подтекстами, аллюзиями, об их жанровом своеобразии.

В третьем разделе, «Писатель и время», говорится о связях Бабеля с его литературными современниками: Осипом Мандельштамом, Шолом-Алейхемом, Андреем Платоновым, Михаилом Шолоховым, Владимиром Маяковским, Всеволодом Ивановым. И порой выявляются неожиданные сближения.

– Например?

– Все статьи, посвященные творческим и жизненным связям Бабеля с названными писателями, очень важны и интересны, но я хотела бы выделить две из них: «Сидели два нищих: Бабель и Мандельштам, или Как делалась русская еврейская литература» Григория Фрейдина и «Исаак Бабель в «Фабрике литературы» Андрея Платонова» Натальи Корниенко (Москва). Прежде всего, вторую статью я имею в виду, когда говорю о неожиданных сближениях или сопоставлениях. А еще назову статью «Элиас Канетти: Штрихи к портрету Бабеля» Елены Шастиной (Казань). О встрече Бабеля с Канетти известно, но подкупают в этой работе именно детали, всесторонний охват темы.

В четвертом разделе, «Бабель, Одесса, южнорусская школа», кроме статей о городском тексте Эдуарда Багрицкого, Юрия Олеши и Бабеля и о метрической прозе Семена Кирсанова напечатана статья об истории Одесского коммерческого училища, богатая фактическим материалом. Пятый раздел, «Мемогія», посвящен одному из первых советских бабелеведов Льву Лившицу.

– В 1954 году благодаря настойчивости вдовы писателя Антонины Николаевны Пирожковой Бабель был посмертно

реабилитирован. Его первый посмертный сборник «Избранное» вышел после 21 года забвения в «Гослитиздате» тиражом всего семьдесят пять тысяч экземпляров с предисловием Ильи Эренбурга, который в феврале того же 1957 года в «Литературной газете» напечатал большую статью о писателе – «Необходимое объяснение»...

– ...а затем понадобилось еще девять лет, прежде чем появились два новых сборника Бабеля – в Москве и Кемерово. И лишь в 1990-м Антонине Николаевне Пирожковой удалось издать его сочинения в двух томах.

– Среди тех, кто пробил завесу молчания в научных кругах вокруг имени Исаака Бабеля, есть один из авторов сборника – Сергей Поварцов, литературовед, известный, наверное, и тем, кто просто считает себя читателем Бабеля?

– Да, думаю, имя Сергея Николаевича Поварцова известно не только литературоведам. Он был комментатором первого бабелевского двухтомника, о котором я только что сказала. Долгие годы был дружен с Антониной Николаевной. Вместе с ней опубликовал и прокомментировал конармейский дневник писателя, написал предисловие к первой полной публикации дневника. Вклад Поварцова в бабелеведение трудно переоценить. Он занимался Бабелем почти полвека, начиная с 1960-х годов, что тогда было делом совсем непростым. В 1970 году Поварцов защитил вторую в СССР кандидатскую диссертацию (после Израиля Смириня, 1964), посвященную писателю. А его главная книга о Бабеле «Причина смерти – расстрел: Хроника последних дней Исаака Бабеля» (Москва, 1996) наряду с документальной повестью Виталия Шенталинского «Прошу меня выслушать» и поныне остается важнейшим исследованием об истории ареста и гибели писателя.

18 июня 2015 года Сергей Николаевич ушел из жизни.

По трагическому совпадению, несколькими днями раньше, 13 июня, не стало другого исследователя – выдающегося знатока одесского периода жизни Бабеля Александра Розенбойма, чаще всего печатавшегося под псевдонимом Ростислав Александров.



И. Бабель. Начало 1930-х

- В сборнике авторской статьи Розенбойма нет. Но ему, как и Поварцову, посвящена ваша работа «Проблемы текстологии и источники реального комментария к конармейскому циклу Исаака Бабеля», о чем свидетельствует соответствующий эпиграф. Пожалуйста, поподробнее – что он был за человек? Незаурядный инженер, вдруг ставший незаурядным литератором, – вообще, это бабелевский сюжет?

- Я приглашала Сашу (простите, что отхожу от «протокола»: несмотря на разницу в возрасте, мы были по именам и на «ты», и мне так проще его называть) на конференцию, но он не смог выбраться. От участия в сборнике тоже отказался, так как был занят другой срочной работой. Может быть, причиной всему – болезнь, ставшая смертельной.

Не могу судить, каким он был инженером, но литератором он был действительно незаурядным, необыкновенно ярким, талантливым и очень знающим. А его литературный слог! Но, вероятно, вы правы, инженером тоже был отличным. Ведь талантливый человек талантлив во всем, и это, как сказал бы Остап Бендер, «медицинский факт». Я люблю все тексты Розенбойма (Александрова), которые читала. Но, понятно, что прежде всего меня интересуют его исследования о Бабеле. Три свои фундаментальные – без преувеличения – работы (о родословной матери Бабеля Фейги Ароновны, о пяти печатных прижизненных редакциях и реальной основе рассказа «Король», о прототипах рассказа «Любка Казак») он в 2011 году, дополнив, объединил в книгу «Волшебник из Одессы: По следам Исаака Бабеля». Эта книга прекрасна.

И человеком Саша Розенбойм был замечательным – отзывчивым, теплым, с прекрасным чувством юмора. Словом, настоящий

одессит! А это лично для меня определяет многое... Поэтому все, что с ним связано, – сюжет, безусловно, бабелевский.

– Присутствие в сборнике сразу трех представителей Франции – филологов Эмиля Когана («Ранняя проза И. Бабеля: От реализма к модернизму (1916-1917 гг.)») и Мирей Коган-Брудер («Бабель и Эйзенштейн: Конфликтный монтаж в сценарии «Карьера Бени Крика»), преподавателей Института восточных языков и цивилизаций (Париж), и переводчика Софи Бенеш («И. Бабель во Франции и на французском языке») символично. Именно французский язык 15-летний Бабель, прекрасно им владевший, выбрал для своих первых рассказов. Не говоря уже о том, что он был влюблен во французскую литературу. И французский – это, кажется, первый из иностранных языков, на который были переведены его произведения?

– Если верить «Автобиографии» Бабеля, он действительно свои первые не дошедшие до нас рассказы написал по-французски. Правда, Бабель был чуть раньше переведен на немецкий язык (1926) и на испанский (1927). Французские переводы появились в 1928 году.

Но абсолютно верно то, что у французских классиков, как и у русских, Бабель учился писательскому мастерству. Своему кумиру он посвятил рассказ «Гюи де Мопассан» (1932). А в 1926-1927 годах стал редактором небольшого трехтомника Мопассана (изд-во «Земля и фабрика»), для которого перевел три новеллы – «Идиллия», «Признание» и «Болезнь Андре». Интересно замечание Софи Бенеш: «Когда я переводила Бабеля, я внимательно прочла его переводы, заодно перечитала все рассказы Мопассана и убедилась в том, что у них с Бабелем действительно есть что-то общее – и в стиле, и в ощущении жизни».

– По-видимому, ответ на вопрос, насколько переводим Бабель и понятен иностранцам, заключен опять же в Софи Бенеш, удостоенной за перевод собрания сочинений Бабеля (изд-во «Le bruit du temps» – «Шум времени», 2011) французской премии Laure Bataillon (2012)? Добавим, что

в ее «послужном списке» – Борис Пастернак, Варлам Шаламов, Анна Ахматова, Василий Гроссман, Лидия Чуковская, Надежда Мандельштам, Зинаида Гиппиус; она же лауреат премии «Русофония» (2010) за перевод «Повести непогашенной луны» Бориса Пильняка. И она же не только переводит русскую классику, но и издает, – открыв в 1992 году в Париже собственное издательство «Interférences» («Взаимодействие»).

– Да, конечно. Не отрицая проблем, связанных с чрезвычайно сложным языком и стилем Бабеля, сама Софи Бенеш – на сегодня она последняя, кто перевел Бабеля на французский, – считает, что переводчику они по силам. Вот ее слова: «Само собой разумеется, некоторые вещи трудно передать, но почти всегда можно найти способ это сделать <...> я подошла к прозе Бабеля как к стихам, обращая самое пристальное внимание на музыку, на ритм, на интонации, на звучность, на ассонансы. Бабель умеет «выкручивать» язык так, что вспыхивают искры, он расширяет границы языка, но не искажает его, он выявляет то, что таилось в языке и что никто до него не угадывал. Я стараюсь таким же образом подойти к французскому языку, но без насилия над ним».

– Завершает сборник «экскурсия» по выставке «Дороги Исаака Бабеля» в Государственном литературном музее – в залах «Дом И.С. Остроухова в Трубниках». Здесь и фотографии, и ваши комментарии к историко-литературным разделам...

– Главную идею выставки подсказал рассказ Бабеля с символическим названием «Дорога», герой которого в 1918 году пробирается нелегким маршрутом из Киева в Петроград. Однако в первую очередь этот рассказ о непростом выборе жизненного пути героя. В названии выставки раскрывались оба значения слова «дорога». С одной стороны – это определенный маршрут, перемещение с места на место, с другой – это жизненный и творческий путь писателя Исаака Бабеля.

Образ дороги так или иначе присутствует во многих его произведениях. Кроме того, сам он почти всегда находился в разъездах. Причиной тому – конкретные житейские обстоятельства и необходимость новых впечатлений для творчества.



– Своими документами, на что указывают подписи к фотографиям в сборнике, поделились многие архивы. С учетом того, что выставка была приурочена к бабелевской конференции, есть какие-то особенности?

– Выставка была приурочена не к конференции, а, как и конференция, к юбилею Бабеля. Но некоторые из экспонированных документов действительно упоминались в ряде докладов или даже служили к ним иллюстрацией. Но это скорее совпадение. Например, экспонаты небольшого раздела «Маяковский, «Леф», Мария Денисова»: № 4 журнала «Леф» за 1923 год, книги «Облако в штанах» (2-е издание, 1918) Маяковского и «Мария» (1935) Бабеля, фотографии поэта и М. Денисовой, ее письмо, адресованное Маяковскому, стали иллюстрацией к докладу «Мария: Маяковский vs Бабель» Веры Терехиной (Москва).

– Не могли бы вы расшифровать связь этих трех имен?

– С ответственным редактором журнала «Леф» Владимиром Маяковским Бабель встретился в Москве в мае-июне 1923 года, побывав на квартире поэта в Водопьяном переулке. Тогда же Бабель отдал свои восемь рассказов для публикации в журнале.

Их выход в начале января 1924 года в № 4 «Лефа» за 1923 год Бабель считал началом своей литературной работы.

В феврале 1924 года Бабель и Маяковский снова встретились, на сей раз в Одессе, теперь уже Маяковский побывал в гостях у Бабеля, на Ришельевской, 17. В Одессе Маяковский объявил о публикации в следующем номере «Лефа» еще одного рассказа Бабеля из конармейского цикла – «Мой первый гусь».

«Одесская» муза Маяковского Мария Денисова, жена члена Реввоенсовета Первой Конной Е.А. Щаденко, участвовавшая в гражданской войне в рядах Конармии, не только вдохновила поэта на создание образа героини «Облака в штанах», но и в какой-то мере послужила прототипом внесценической заглавной героини пьесы Бабеля «Мария».

8 декабря 1929 года она отправила Маяковскому письмо с просьбой написать к десятилетию Первой Конной «стихотворение динамического характера» и «красноармейскую драму». В этом письме упоминался Бабель и его «Конармия».

– Какие из экспонатов, продемонстрированных впервые, вы выделили бы прежде всего?

– Справку о снятии «тов. Бабеля (Лютова)» с довольствия в столовой штаба Первой Конной армии, выписанную в Фастове 26 июня 1920 года. И два документа, которые вместе с ксерокопиями листов и фотографиями следственного дела Бабеля были представлены в разделе «Не дали закончить...».

Первый – записка А.А. Жданову от А.А. Фадеева и П.А. Павленко, готовивших списки для награждения советских писателей орденами в январе 1939 года.

«Дорогой Андрей Александрович!

Мы не включили в списки для награждения следующих крупных писателей, в политическом лице которых сомневаемся. Оставляем их на усмотрение ЦК:

Бабель Исаак Эммануилович
Пастернак Борис Леонидович
Олеша Юрий Николаевич *<sic!>*
Эренбург Илья Григорьевич».



ОДЕССКОЕ КОММЕРЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ,

утвержденное Одесским Купеческим Обществом въ 1862 г. въ память въ Вѣкъ почившаго
ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I-го.

АТТЕСТАТЪ.

Дано сей день сыну Еврейскаго мещанина
на Мсаилу Маневичу Боденю,
еврейскаго происхожденія, родившемуся 30 ма
я 1894 года въ г. Одессѣ

въ томъ, что онъ, вступивъ въ Одесское Коммерческое Училище
въ январь 1906 года при отличномъ поведеніи
обучался по № 10111 года и окончилъ полный курсъ ученія.

При прохожденіи учебнаго курса, а также на переводныхъ и вы-
пускныхъ экзаменахъ онъ Боденю
оказалъ слѣдующіе успѣхи:

Въ Законѣ Божіемъ		
.. русское языкъ и словесности	нѣтъ	5
.. латинскомъ языкѣ	нѣтъ	5
.. французскомъ языкѣ	нѣтъ	5
.. англійскомъ языкѣ	нѣтъ	5
.. исторіи	нѣтъ	5
.. географіи	три	3
.. математикѣ, а именно:		
.. ариметикѣ	четыре	4
.. алгебрѣ	три	3
.. геометріи	три	3
.. тригонометріи	три	3
.. естественной исторіи	четыре	4
.. физикѣ	четыре	4
.. коммерческой ариметикѣ	три	3
.. бухгалтеріи съ коммерціей	три	3
.. коммерческой корреспонденціи	четыре	4
.. политической экономіи	нѣтъ	5
.. финансовомъ правѣ		
.. законодѣдніи	нѣтъ	5
.. химіи и товаровѣдніи съ технологіей	четыре	4
.. коммерческой географіи	нѣтъ	5
.. каллиграфіи	три	3
.. черченіи и рисованіи	четыре	3

Аттестат об окончании Одесского коммерческого училища. 3 июня 1911. Государственный архив Киева

На основании ст. 52 Высочайше утвержд. 15 Апреля 1896 г. Положения о коммерческих учебных заведениях удостоить оного Боделя званія многолетнего почетного гражданина.

Относительно отбыванія воинской повинности и поступления на государственную службу на должности, требующія познаній по коммерческой специальности, а равно въ высшія спеціальныя учебныя заведения, пользуется оный Бодель правами, предоставленными околичнымъ курсъ реальнаго училища.

Въ удостоверение сего и выданъ ему Боделю сей аттестатъ за надлежащими подписями и съ приложеньемъ печати Училища.

Одесса, Июня 3 дня 1911 года.

Председатель Попечительскаго Совета Михаил
Михайлов
Член Михайлов



Директор Училища Михайлов

Инспектор Училища Сидорович

Секретарь Педагогическаго Комитета Вандурск

№ 128

Директор Попечительскаго Совета А. К. Ковалев

Аттестат об окончании Одесского коммерческого училища. Обратная сторона

Второй – открытка М.Э. Шапошниковой (родной сестры писателя), адресованная Л.Н. Лившиц (своей подруге и жене школьного товарища Бабеля), отправленная из Брюсселя 20 июля 1939 года, то есть больше чем через два месяца после ареста Бабеля на даче в Переделкине: «Милая Люсенька, давно тебе не писала. Настроение очень плохое, мама все время болеет, и брат, видно, не здоров, так как давно ничего не пишет».

«Дорога» Исаака Бабеля оборвалась...

– В последние годы интерес к Бабелю, никогда, впрочем, и не стихавший, заметно возрос, что очевидно и по книжным полкам, которые заполняются все новыми и новыми изданиями его книг. Назовем, к примеру, те, где вы указаны как составитель, комментатор или редактор: «Исаак Бабель. Письма другу: Из архива И.Л. Лившица» (2007); «Исаак Бабель. Рассказы» (2014); библиофильское издание «Исаак Бабель. «Улица Данте» (2015). В настоящее время вы готовите «Конармию» Бабеля для издания в серии «Литературные памятники»... Чем можно объяснить читательский интерес к Бабелю?

– Думаю, в первую очередь яркостью и необычайным своеобразием его литературного дара, безупречностью стиля. Лично меня Бабель завораживает: даже анализируя его тексты, выявляя приемы, я не могу понять до конца – как он это сделал. Но в то же время непревзойденный мастер короткого рассказа, талантливый драматург и киносценарист, отразив в своем творчестве трудную эпоху первой трети XX века, Бабель, как бы, возможно, банально это ни прозвучало, сумел наполнить свои произведения вечными ценностями добра, справедливости и гуманизма.

На выставке «Дороги Исаака Бабеля» экспонировалось письмо Бабеля Анне Григорьевне Слоним от 7 декабря 1918 года, в котором он писал: «В характере моем есть нестерпимая черта одержимости и нереального отношения к действительности». Мне кажется, что эту самохарактеристику можно отнести и к его произведениям.

– В Одессе, на родине Исаака Бабеля, в сентябре 2011 года на углу улиц Жуковского и Ришельевской, напротив уже упоминавшегося дома № 17, где семья Бабеля поселилась в 1909 году, появилась композиция из бронзы, выполненная скульптором Георгием Франгуляном, – именно его проект был одобрен родными писателя: автор «Одесских рассказов» и «Конармии» сидит на ступенях с блокнотом, рядом с ним – символическое катящееся колесо.

Что мешает открыть там же, в Одессе, еще и музей, посвященный этому писателю? В Одесском литературном музее, расположенном, кстати, в красивейшем дворце, который некогда принадлежал представителю высших кругов русской аристократии, одному из первых граждан Одессы князю Дмитрию Ивановичу Гагарину, «у Бабеля» лишь экспозиция в зале одесской литературной школы...

– Безусловно, такой писатель, как Исаак Бабель, заслуживает «своего» музея. Но музея экстра-класса. А это практически неразрешимая задача. Говорю как музейщик с более чем сорокалетним стажем. И дело не только в деньгах.

Во-первых, в Одессе, коль уж мы говорим об Одессе, нельзя создать мемориальный музей: дом на Дальницкой улице на Молдаванке, где родился писатель, не сохранился, а в его квартире на Ришельевской, 17, живут люди.

Во-вторых, музей невозможно сделать без музейной коллекции. Скажем, рукописные материалы в виде хороших копий (оригиналы все равно в постоянной экспозиции не могут находиться по условиям их сохранности) можно было бы с миру по нитке собрать. Изобразительные материалы тоже можно найти. Но почти нет личных вещей Бабеля, а без них музей будет скучным... Делать полностью интерактивный музей, по-моему, не имеет никакого смысла.

В-третьих, для музея, пусть не мемориального, а чисто литературного, все равно нужно найти подходящее помещение или построить новое. Ну и так далее.

Мне кажется, скорее может речь идти о каком-нибудь культурном центре или литературном клубе, носящем имя Бабеля, не исключая и музейную составляющую.

- Понятно... А почему до сих пор не установлен памятник Бабелю в центре Москвы, в том же Большом Николоворобинском переулке, где он жил с 1932 года? Ведь точного подтверждения того, что прах Бабеля, расстрелянного 27 января 1940 года, захоронен именно в общей могиле № 1 на территории Донского монастыря, нет и, по-видимому, уже не будет...

- Вопрос об установке памятника в Москве упирается в первую очередь в финансирование.

- И вполне уместен, возможно, памятный знак в Санкт-Петербурге – городе, с которым, как и с Одессой, Николаевом, Киевом, у писателя связано немало воспоминаний – здесь в 1916 году он стал студентом четвертого курса юридического факультета Петроградского психоневрологического института, здесь осенью того же года в редакции журнала «Летопись» на Большой Монетной улице встретился с Горьким...

- ...и не просто встретился. Горький сыграл особую роль в его жизни и творческой судьбе. «И вот – я всем обязан этой встрече, – писал Бабель в «Автобиографии», – и до сих пор произношу имя Алексея Максимовича с любовью и благоговением». И еще из очерка «Начало», в котором Бабель рассказал и о начале их дружбы, и о начале своего творческого пути: «Надо думать, в моей жизни не было часов важнее тех, которые я провел в редакции «Летописи».

Кстати, Бабель жил совсем недалеко от редакции журнала «Летопись», на той же Большой Монетной. «Летопись» помещалась в доме № 18, а Бабель снимал комнату у Анны Григорьевны и Льва Ильича Слоним в доме № 9а. Поэтому легко представить состояние юного Бабеля, когда Горький принял к публикации его рассказы – из редакции он, не помня себя, пошел не домой, а в противоположную сторону, и оказался у Черной речки.

В «Летописи» Горький напечатал два рассказа молодого Бабеля – «Элья Исаакович и Маргарита Прокофьевна» и «Мама, Римма и Алла».

Когда Горький умер, Бабель не только потерял друга и учителя. Неслучайно он сказал жене: «Теперь мне жить не дадут». Спустя почти три года Бабеля арестовали. В части тиража альманаха

«Год XXI» (1938), попавшей в библиотеки, текст очерка «Начало» был вырван, а фамилия его автора в оглавлении тщательно вымарана.

– Простите, пожалуйста, не только за бестактный, но и абсурдный вопрос. Но с учетом современной политической ситуации не задать его вам невозможно. Почему Бабель – с одинаковым успехом и там и там – становится камнем преткновения для тех, кто страдает националистической болезнью? Какому народу Бабель принадлежит?

– Но националистическая болезнь, как вы сказали, это болезнь не нашего времени или нынешней политической ситуации. Антисемитизм, как и русофобия, и тому подобные «измы» и фобии, существует с незапамятных времен. Чтобы далеко не ходить за примерами, возьмем их из произведений Бабеля. В рассказе «Замостье» из «Конармии» мужик говорит Лютову: «– Жид всякому виноват <...> и нашему и вашему. Их после войны самое малое количество останется». Или вспомним холодящий душу эпизод из рассказа «Дорога». Но ведь не только о национальной ненависти идет речь. Часто эта ненависть распространяется на талантливых, да просто интеллигентных и образованных людей любой национальности. «...Тут режут за очки», – из той же «Конармии» («Мой первый гусь»).

Я бы видоизменила второй ваш вопрос: «Какой литературе принадлежит Бабель?».

Для меня лично ответ на этот вопрос однозначный: Бабель – русский писатель. Не могу согласиться с той точкой зрения, что язык в определении «национальности» литературного произведения не является первичной категорией. Но, конечно, Бабеля можно причислить и к русско-еврейским писателям. На эту тему, в частности, есть прекрасная статья «Шабос-нахаму в Петрограде: Бабель и Шолом-Алейхем» Эфраима Зихера в обсуждаемом сборнике. Еще надо назвать уже давнишнюю статью «Русско-еврейская литература и Исаак Бабель» Шимона Маркиша. В упомянутой статье Григория Фрейдина речь идет о *русской еврейской* литературе – это нечто иное. Памятуя об «Одесских рассказах», месте действия «Конармии», вероятно, можно говорить и о рус-

ско-украинском писателе Бабеле. Безусловно, Бабель – ярчайший представитель южнорусской литературной школы. Нельзя забывать и о связи писателя с западноевропейской культурной традицией, и о том, что на сегодняшний день произведения Бабеля переведены не только на основные европейские и славянские языки, но и на португальский, норвежский, шведский, датский, даже исландский, а также на китайский, японский, турецкий и многие другие. Следовательно, Бабель принадлежит мировой литературе. Думаю, любящие Бабеля не станут спорить с таким определением: «классик русской и мировой литературы».

Но все же вернемся к вашему вопросу: «Какому народу принадлежит Бабель?». Бабель – еврей не только по происхождению. Еврейская тема разлита по всему его творчеству. Он чтит традиции еврейского народа, в том числе религиозные, и прекрасно во всем этом разбирался. Но мне почему-то вспомнилось определение Всеволода Иванова, которое он дал Бабелю в одном из писем Максиму Горькому: «еврей с русской душой». Разумеется, Иванов не имел в виду, что русская душа чем-то лучше еврейской, а вкладывал в это совсем иной смысл. Вероятно, он подразумевал то, что мы теперь называем ментальностью. А еще – преданность Бабеля России, знание ее истории и культуры. И в этом, на мой взгляд, нет никакого противоречия.

Завершить ответ на этот и в самом деле трудный вопрос мне бы хотелось словами героя рассказа «Гюи де Мопассан», имеющими национальные истоки, но носящими общечеловеческий характер: «Мудрость дедов сидела в моей голове: мы рождены для наслаждения трудом, дракой, любовью, мы рождены для этого и ни для чего другого».

